

— устанавливать причинную связь между нарушением должностным лицом своих полномочий и наступившим в результате этого материального вреда, а также вреда интересам, правам и свободам физических и юридических лиц;

— учитывать, что следственные действия с должностными лицами практически всегда проводятся в присутствии защитника или нескольких адвокатов; имеют место случаи использования подозреваемыми и адвокатами скрытых технических средств; должностные лица чаще обычных преступников отказываются от дачи показаний, ссылаясь на ст. 51 Конституции РФ;

— проводить следственные действия с участием специалистов (аудиторов, представителей вышестоящих организаций, психологов и т. п.), опыт и специальность которых соответствуют проводимому следственному действию и целям раскрытия и расследования конкретного состава должностного преступления.

Расследование коррупционных преступлений предполагает высокий уровень подготовки, производства и анализа проведения следственных действий сотрудниками органов предварительного расследования.

Учитывая современный уровень преступлений коррупционной направленности, сращивание с экономическими отношениями, осложнение противодействующими факторами, считаем целесообразным их расследование поручать опытным следователям, специализирующимся на данной категории дел, обладающим обширными знаниями по другим отраслям права, с особым криминалистическим мышлением.

А. В. Павлов

Новые аргументы для полемики о моменте фактического задержания подозреваемого

Задержание подозреваемого является одной из наиболее сложных для понимания мер процессуального принуждения. Это объясняется множеством факторов, в том числе и наличием неоднородных по своей правовой природе этапов ограничения свободы передвижения уголовно преследуемого лица. До настоящего времени отсутствует определенность в вопросе разграничения моментов фактического (физического) и процессуального (юридического) задержания. Данная дилемма сохраняет актуальность проблемы определения момента исчисления задержания подозреваемого. Автором приведены аргументы в обоснование

позиции по вопросу о необходимости исчисления срока задержания подозреваемого с момента принятия данного решения субъектом, указанным в ч. 1 ст. 91 УПК РФ.

Ключевые слова: задержание подозреваемого; момент фактического задержания; захват и доставление лица, подозреваемого в совершении преступления; протокол задержания подозреваемого.

Важным обстоятельством, характеризующим задержание подозреваемого, является определение начального момента исчисления 48-часового срока, а также времени сообщения прокурору, уведомления родственников, производства допроса. По данному поводу исторически ведется активная полемика, сформировались различные позиции. Наступление данного момента отождествляется с конкретными этапами ограничения свободы передвижения лица. Задержание исчисляется с момента фактического лишения свободы¹, доставления в орган, осуществляющий производство по уголовному делу², доставления к следователю³, составления протокола⁴. Разброс мнений объясняется тем, что законодатель нечетко разграничил момент захвата и доставления и момент задержания. Противоречивость подхода объясняется неопределенностью формулировки момента фактического задержания, предусмотренного п. 15 ст. 5 УПК РФ как момента, производимого в порядке, установленном УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Данное понятие предполагает, что в УПК РФ регламентирован процессуальный порядок фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Тем не менее в ч. 1 ст. 92 УПК РФ лишь указано на необходимость после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов составить протокол задержания. Порядок непосредственного лишения свободы преследуемого лица в УПК РФ не регла-

¹ Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс : учебник / под ред. В. Н. Григорьева. М., 2006. С. 217 ; Россинский С. Б. Момент фактического задержания подозреваемого сквозь призму конституционно-межотраслевого подхода // Российский следователь. 2018. № 8. С. 29–33.

² Гриненко А. В. Уголовный процесс : учебник. М., 2008. С. 140–142 ; Азарёнок Н. В., Давлетов А. А. С какого момента следует исчислять срок задержания подозреваемого? // Российский следователь. 2018. № 5. С. 8–11.

³ Ксендзов Ю. Ю. Задержание и заключение под стражу : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 95.

⁴ Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003. С. 57.

ментирован. Нам представляется, что подобный подход правовой регламентации основан на понимании задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения, реализуемой именно с момента принятия процессуального решения.

Обращение к нормативной составляющей данной меры позволяет выделить предпосылки для формирования и иных подходов. Так, первая позиция основана на непосредственном применении положений ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, согласно которой до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Следуя логике данных авторов, именно с момента, когда лицо теряет право самостоятельно распоряжаться свободой передвижения (что и реализуется при его захвате на месте преступления), и следует считать срок задержания. Действительно, для лица не имеет особого значения, в ходе какой процедуры его лишили свободы передвижения, главная гарантия его неприкосновенности заключается в том, что это ограничение не может продолжаться без судебного решения более 48 часов. Однако в данном случае следует обратить внимание на то, что в Конституции РФ речь идет об исчислении срока конкретной формы ограничения свободы передвижения в виде задержания. Иначе говоря, не любое ограничение свободы передвижения является задержанием. В частности, сотрудники полиции вправе обязывать граждан в целях защиты их жизни, здоровья и имущества оставаться на соответствующих участках местности и объектах (п. 7 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции»). В данном случае фактически происходит ограничение свободы передвижения, но оно осуществляется вне процессуального режима задержания. Реализация конституционного положения о сроках задержания регламентируется в отраслевом законодательстве. В случае ограничения свободы в связи с совершением преступления единственным источником регулирования выступает уголовно-процессуальное законодательство.

Обоснованность двух последующих подходов также ставится нами под сомнение. Тот факт, что лицо доставлено в отдел полиции или к следователю, еще не свидетельствует о том, что оно с этого момента считается задержанным. Во-первых, следует учитывать, что далеко не во всех случаях доставление лица к следователю заканчивается его задержанием, оно правомерно только при наличии цели последующего его заключения под стражу в порядке ст. 108 УПК РФ.

Во-вторых, решение о задержании может быть принято следователем только после получения сведений о наличии оснований, предусмотренных ст. 91 УПК РФ (показаний свидетелей (потерпевшего),

застигнувших лицо при совершении преступления или непосредственно после его совершения; протокол опознания очевидцем лица, совершившего преступление; и др.). Безусловно, установленные сроки задержания являются важной гарантией законности лишения свободы преследуемого лица, но преждевременное принятие решения в отсутствие достаточных процессуально закрепленных сведений может повлечь еще большие негативные последствия. Как это ни парадоксально, но порой нарушение этих сроков объясняется следователем именно стремлением исключить необоснованное задержание и необходимость получения дополнительных сведений.

Более предпочтительной нам представляется четвертая позиция, при условии ее некоторой корректировки. Составлением протокола задержания подозреваемого констатируется принятие процессуального решения о применении меры процессуального принуждения субъектом, предусмотренным ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Следует обратить внимание на то, что в этом случае фактическое задержание осуществляется после возбуждения уголовного дела. Обоснованность данного подхода также может быть поставлена под сомнение. Во-первых, в соответствии с ч. 2 ст. 92 УПК РФ в протоколе указываются дата и время составления протокола, дата и время задержания подозреваемого. Это позволяет констатировать, что законодатель разграничивает и выделяет момент задержания подозреваемого и момент составления соответствующего протокола.

Во-вторых, новые аргументы для развития полемики можно обнаружить при обращении к положениям Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 437-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ»⁵. Законодатель определил обязательное участие защитника в ходе составления протокола задержания, указав, когда защитник участвует в производстве по уголовному делу: с момента фактического задержания подозреваемого (ч. 1¹ ст. 92 УПК РФ). Это означает, что законодатель вновь подчеркивает необходимость разграничения таких моментов ограничения свободы, как фактическое задержание и составление протокола. Защитник должен быть допущен для реализации своей функции с момента фактического задержания, при этом он должен принять участие в следующем этапе — составлении протокола. Однако опосредованно можно предположить, что этот шаг законодателя свидетельствует о правомерности фактического задержания только в ходе производства по уголовному делу, что исключает его исчисление с момента фактического лишения свободы.

⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При реализации этого положения закона закономерно возникает вопрос о том, когда и кто констатирует принятие решения о фактическом задержании, чтобы с этого момента учитывать сроки данной меры принуждения. Эта ситуация не представляет особой сложности, если вести речь о задержании подозреваемого на основании постановления следователя (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Кроме того, УПК РФ обязывает обеспечивать право пользования услугами адвоката и до возбуждения уголовного дела. Так, в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ. Следует уточнить, что мы не видим противоречия этого положения закона с ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ, в которой говорится о праве на участие адвоката. Указанные положения закона мы рассматриваем как соотношение общей нормы и специальной. Проведение проверки сообщения о преступлении в отношении конкретного лица есть не что иное, как уголовное преследование в любых его формах,⁶ и в связи с чем это лицо должно быть наделено правом на участие защитника.

С обеспечением участия защитника по назначению следователя возникают организационные трудности, обусловленные тем, что расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета только после возбуждения уголовного дела⁷. Учитывая, что в случае доставления лица в целях его задержания вопрос о возбуждении уголовного дела и производстве с его участием следственных действий, как правило, решается в этот же день, что позволяет адвокату получить вознаграждение за этот день его работы.

⁶ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации (вместе с Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации) : постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Более сложной представляется ситуация, в которой участие защитника следует обеспечить с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. В данном случае возможен следующий порядок действий. Следователь, сформировав внутреннее убеждение относительно достаточности оснований для задержания подозреваемого, обязан реализовать фактически принятое решение в формальном документе, т. е. составить протокол в порядке, предусмотренном ст. 92 УПК РФ. Соответственно, время задержания исчисляется с момента не составления протокола, а фактически принятого решения следователем. Данный подход соответствует ч. 2 ст. 92 УПК РФ, согласно которой выделяется время задержания и его процессуального оформления. Возможно, до составления протокола следователь может разъяснить доставленному лицу, что принято решение о задержании и он вправе воспользоваться помощью защитника. Но в данной ситуации неминуемо возникает вопрос о разрешении следователем конкуренции в реализации двух гарантий обеспечения законности ограничения свободы передвижения: составление протокола в течение трех часов или обеспечение участия защитника при его составлении. Предпочтение следует отдавать все же своевременному составлению протокола, при этом следует предоставить право защитнику при первой возможности ознакомиться с ним.

Ю. В. Пономарева

К вопросу об основных причинах удовлетворения исковых требований о возмещении вреда в связи с ненадлежащим обеспечением сохранности изъятого полицией имущества

Рассматриваются аспекты сохранности имущества, изъятого органами внутренних дел, в том числе основные причины удовлетворения исковых требований граждан к МВД России о возмещении вреда, нанесенного в результате ненадлежащего хранения изъятого имущества; возникающие при этом проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: органы внутренних дел; изъятое имущество; обеспечение сохранности; правообладатели; ответственность.

Вопросы обеспечения сохранности вещественных доказательств по уголовным делам, а также иных изъятых предметов и документов в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (далее —